

Участіе грековъ въ дѣлѣ патриарха Никона.

(Продолженіе).

21-го декабря 1662 года Алексѣй Михайловичъ, находясь у всенощной въ Успенскомъ соборѣ, „приде во умиленіе о той соборной и апостольской церкви, что вдовствуетъ безъ пастыря уже пятьлѣтствующи. а пастырю убо, патриарху Никону. отшедшу и пребывающу въ новоустроенныхъ отъ него обителехъ, а о вдовствѣ ея нерадящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и службъ божественные литургии и о иныхъ церковныхъ винахъ, которыя учинились при бытіи жъ патриаршества его, и потому дѣйствуются и доннынѣ, и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы. Да Никону жъ патриарху. послѣ отшествія своего съ престола, проклятію предающе Питирима митрополита сарскаго и падонскаго и иныхъ, безъ соборнаго собранія и всякаго испытанія, и иная подобная тѣмъ творящу,—и того ради изволилъ онъ, великій государь, учинити соборъ и писати о томъ ко вселенскимъ патриархомъ, чтобъ ови, или изъ нихъ кто, для тѣхъ церковныхъ винъ и иныхъ исправленіихъ, изволили принти въ царствующій градъ Москву“.

Рѣшивъ созвать въ Москвѣ новый соборъ и пригласити на него восточныхъ патриарховъ, государь немедленно предпринялъ всѣ предварительныя мѣры для созванія собора и подготовки того матеріала, какой долженъ былъ поступить на обсужденіе предположеннаго собора. Ко всѣмъ русскимъ архіереямъ посланы были царскія грамоты, чтобы они явились въ Москву изъ дальнихъ городовъ къ 25 марта, а изъ

ближнихъ къ 9 мая. Въ тоже время государемъ назначена была предсоборная коммиссія, въ составъ которой вошли: Иона, митрополитъ ростовскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій и бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, думный дворянинъ Прокопій Кузьмичъ Елизаровъ, думный дьякъ Алмазь Ивановъ и дьякъ Лукьянъ Голосовъ. Кромѣ того, государь приказалъ рязанскому архіепископу Иларіону, боярину Салтыкову, дворянину Елизарову и дьяку Голосову „взять росписи и сказки за руками: а) у соборныхъ ключарей, у прежнихъ и у нынѣшнихъ, — что патріархъ Никонъ, будучи на патріаршествѣ, изъ соборной церкви взялъ образы и всякіе церковные утвари, съ роспискою и безъ росписки. б) У патріаршихъ приказныхъ людей—что онъ же патріархъ, взялъ изъ домовыя казны денегъ, и золотыхъ и ефимковъ, и всякіе домовыя казны, и хлѣба, и лошадей и иного всего, какъ онъ поѣхалъ съ Москвы, оставя патріаршескій престоль, и что при немъ же домовыхъ патріаршихъ вотчинъ кому промѣнено, и у кого имяны въ то мѣсто вымѣнено, или взято у кого въ цѣну или безъ цѣны, и въ которыхъ городѣхъ и годѣхъ, и тѣ вымѣненные и купленные и взятые вотчины всѣ нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ, или индѣ гдѣ отданы. в) Книжнаго печатнаго двора у справщиковъ—сколько при патріархѣ Никонѣ было выходовъ какихъ печатныхъ книгъ, и выходъ съ выходомъ сходенъ-ли, и старыя печатныя и писмянныя и харатейныя книги и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ тѣ книги печатаны, на печатномъ дворѣ нынѣ всѣ-ль есть, или которыхъ нѣтъ и гдѣ они нынѣ. г) У старца Арсенія Суханова—что онъ въ Палестинѣ купилъ какихъ книгъ, и что за тѣ книги дано и кому тѣ книги отданы. д) Послать великаго государя грамоты во всѣ монастыри къ архимандритомъ и игуменомъ и къ строителемъ съ братьею, велѣтъ имъ къ великому государю отписать и сказки и росписи за своими руками прислать: сколько патріархъ Никонъ изъ монастырей ималъ себѣ какихъ церковныхъ потребъ, или монастырскіе какіе казны, и хлѣба, и лошадей и иного чего, и монастырскихъ вотчинъ на мѣну, и въ цѣну и безъ цѣны, и въ которыхъ городѣхъ и годѣхъ“.—Этотъ царскій указъ былъ отданъ для исполненія завѣдывавшему, по приказу государя, тогдаш-

ними церковными дѣлами, боярину Петру Михайловичу Салтыкову 23 декабря ¹⁾).

Отъ 22-го декабря 1662 года составлены были грамоты къ восточнымъ патриархамъ съ приглашеніемъ ихъ прибыть въ Москву на соборъ. Въ грамотѣ къ тогдашнему Константинопольскому патриарху Діонисію царь, послѣ общихъ заявленій о желательности и необходимости единенія русской церкви съ вселенскою греческою, пишетъ: „къ вѣщшему утверженію соединенія нашего молимъ преблаженство твое, аще ти возможно самому нозѣ твои краснѣи къ намъ управити и пріити, да мирь церкви и благая намъ отъ себе благовѣстиши, яко же правила святыхъ отецъ повелѣвають, еже посѣщати архіереомъ по градомъ, и недобрѣ управленая исправляти, и недоумѣнная разрѣшати. Тако и твое преблаженство, подвигнувся къ намъ, и вся по боголѣпному чину исправиши, и яже недоумѣнная—разрѣшиши. Взыскуеть бо ся нынѣ и въ насъ исправленіе нѣкое церковное не посѣщаемо и недоумѣніе имѣется, кромѣ вашей святости разрѣшиться немогущее. Пастырю убо пребывшему въ насъ, патриарху Никону, престоль свой самопроизволеніемъ своимъ оставльшу, и еще живу суцу, о рукоположеніи же иного на мѣсто его безъ вашего совѣта и благословенія, дерзати не изволяемъ, аще и извѣстно вѣмы, яко по преставленіи архіереа повелѣвають правила не вѣщше трею мѣсяць ожидать рукоположенія иного архіереа вмѣсто него. Никону же, предбывшему патриарху, насъ оставльшу ны уже пятолѣтію суцу исполняемъ, иже особъ пребываяй нынѣ, вся совершаетъ архіерейская, мы же, пріемлющии отъ вашего рукоположенія нашими архіереи всякое благословеніе и пользу, къ сему же и отъ святыхъ отецъ правилъ увѣряемся. повелѣвающихъ сице: аще епископи на митрополита что имѣють. Константина града патриарху да извѣщаютъ о немъ.... И ни чѣмъ не пщуемъ помощи себѣ, токмо къ преблаженству твоему писати, и молити тя пріити и разрѣшати недоумѣніе“. При этомъ составитель царской грамоты, желая вооружить Константинопольскаго патриарха противъ Никона, говоритъ, что Никонъ, будучи патриархомъ, въ своемъ титулѣ присвоилъ себѣ права надъ Кіевскими городами, принадле-

¹⁾ Гиб I. 245—246.

жавшими тогда къ вѣдѣнію Константинопольскаго патріарха такъ какъ писался: великія и малыя и бѣлыя Россіи патріархъ, къ тому же въ Полоцкѣ, не принадлежащій къ его патріарху, рукоположилъ своевольно епископа Каллиста. Онъ, царь, не возбравялъ тогда Никону въ этихъ его незаконныхъ поступкахъ потому, „яко мы вся правленія церковныя на разсужденіе его полагахомъ и совѣту его склоняхомся“. Приглашая патріарха прибыть въ Москву, чтобы обсудить и порѣшить выше указаннаго дѣла, грамота царя говоритъ, что если почему либо самому патріарху прибыть въ Москву будетъ невозможно, то пусть онъ вмѣсто себя пришлетъ экзарха, „искусна мужа и во всемъ художна, житіемъ и словомъ и мудростію сіяюща, и другаго съ нимъ мѣстоблюстителя, подобна по всему ему, да вмѣсто тебе еже подобаше ти содѣяти, вся къ пользѣ намъ они содѣютъ“. Въ то же время царь проситъ патріарха, что бы онъ уговорилъ и бывшаго константинопольскаго патріарха Паисія прибыть въ Москву, а также посодѣйствовалъ бы пріѣзду въ Москву патріарховъ александрійскаго, іерусалимскаго и антиохійскаго. Въ томъ же духѣ и такого же содержанія посланы были грамоты царемъ и другимъ восточнымъ патріархамъ. Въ грамотѣ, на примѣръ, александрійскому патріарху царь, заявивъ о своевольномъ удаленіи Никона и пятилѣтнемъ, вслѣдствіе этого, вдовствѣ русской церкви, что и требуетъ прибытія въ Москву восточныхъ патріарховъ, прибавляетъ къ этому: „и не точію се, но и другая нѣкая, ко уставамъ святыхъ російскія церквилежащая, требуютъ вашего святительства разсмотрѣнія и разсужденія“. А что бы сильнѣе побудить восточныхъ патріарховъ или самихъ прибыть въ Москву, или прислать вмѣсто себя экзарховъ, государь велѣлъ послать константинопольскому патріарху 400, а патріархамъ александрійскому, іерусалимскому, антиохійскому, и бывшему константинопольскому Паисію, по 300 золотыхъ червонныхъ ¹⁾

Очевидно, царю Алексѣю Михайловичу сильно хотѣлось собрать въ Москвѣ грандіозный вселенско-православный соборъ, съ личнымъ присутствіемъ на немъ всѣхъ четырехъ православныхъ патріарховъ, или же, если это невозможно,

¹⁾ Гиб. II. 561—580.

съ присутвіемъ отъ каждаго изъ нихъ экзарха. Очевидно, также, что Алексѣй Михайловичъ дѣлу Никона и возникшимъ тогда у насъ церковно-обрядовымъ спорамъ и нѣкоторымъ церковно-богослужебнымъ мѣстнымъ нестроеніямъ, придавалъ чрезмѣрно преувеличенное значеніе, какъ дѣлу касающемуся всей православной вѣры и потому достойному самаго серьезнаго вниманія и непосредственнаго участія представителей всей вселенской православной церкви. Но на православномъ востокѣ, какъ увидимъ, посмотрѣли на все это дѣло значительно иначе.

Никонъ узналъ о томъ, что царь посылаетъ грамоты на востокъ, чтобы пригласить тамошнихъ патріарховъ для суда надъ нимъ, Никонѣмъ, и что эти грамоты посылаются съ грекомъ іеродіакономъ Мелетіемъ, землякомъ и другомъ Паисія Лигарида. Тогда онъ написалъ царю обширное письмо, въ которомъ заявляетъ, что онъ не отрицается соборнаго суда надъ нимъ патріарховъ, если они сами явятся на судъ и будутъ производить его по божественнымъ евангельскимъ заповѣдямъ, по канонамъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ. Но, выражая свое согласіе отдаться на патріаршій соборный судъ, Никонъ въ то же время старается убѣдить царя, что никакихъ особыхъ преступленій онъ, Никонъ, не совершалъ, а скорѣе совершилъ ихъ царь и архіереи, дѣянія которыхъ, и при томъ антиканоническія, обязательно вскроются на соборѣ, что будетъ не къ чести русской церкви. Такъ, если Никонъ и оставилъ свой патріаршій престолъ, то оставилъ единственно ради гнѣва царя, но въ этомъ его поступкѣ нѣтъ ничего преступнаго, такъ какъ самъ Христосъ, апостоль Павелъ и другіе, ради людской ненависти и гнѣва, отходили изъ однихъ мѣстъ въ другія. Но если соборъ (1660 г.) рѣшилъ извергнуть Никона за одно его отхожденіе изъ Москвы ради царскаго гнѣва, „то уже говорить Никонъ, подобаешь и самого Христа извергнуть, еже множицею отходилъ зависти ради іудейской, и святаго Предтечу, и святые апостолы и пророки, и святая вся, и святое евангеліе и вся святая книги“. Если же онъ, Никонъ, не признаетъ собора 1660 года и состоявшагося на немъ опредѣленія, то это потому, что нигдѣ нѣтъ такого правила, чтобы епископы могли судить своего патріарха, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они его ставленники. Къ

тому же Никонъ, какъ обвиняемый, не былъ призванъ на соборъ, его судили заочно, не допрашивая его, а такой судъ никакъ нельзя назвать правильнымъ и законнымъ. Небезизвѣстно царю и то обстоятельство, говоритъ Никонъ, „яко нимало что отъ священныхъ правилъ здѣсь, въ Россіи, хранится; аще о всемъ взысканіе будетъ, великъ шукъ будетъ“. Если русскіе архіереи винятъ его Никона, однимъ правиломъ двухкратнаго собора, которое однако къ нему не относится, то въ дѣйствительности дѣло въ русской церкви стоитъ такъ, что если святыя правила будутъ приложены къ самимъ архіереямъ, его судьямъ, „мню, заявляетъ Никонъ, яко не единъ архіерей, или пресвитеръ останется достоинъ.., но вси сами ся постыдятъ и осудятъ отъ святыхъ правилъ, зряще ихъ“, тѣмъ болѣе, увѣряетъ Никонъ, что „руссіи епископи въ поставленіи вси“ клянутъ константинопольскаго патріарха, что подтверждается собственноручными записями поставляемыхъ русскихъ епископовъ. Особенно Никонъ обращаетъ вниманіе царя на то обстоятельство, что съ царскими грамотами къ восточнымъ патріархамъ посылается іеродіаконъ грекъ Мелетій, „а онъ, пишетъ Никонъ, есть злый человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ, и здѣсь, не солгу, такое дѣло за нимъ было, чаять и нынѣ есть въ патріаршемъ приказѣ, а извѣстно то дѣло Арсенію греку и инымъ, ихже онъ вѣсть; есть у тебя, великаго государя, и мимо такого воришки своихъ много“. Все это, замѣчаетъ Никонъ, онъ пишетъ „не яко высоты стола взыскупа“, а только съ цѣлію, „дабы святая церковь безъ смущенія была“, чтобы самому царю не было „зазора“, почему царю и слѣдуетъ поразмыслить о всемъ, о чемъ пишетъ ему Никонъ. ¹⁾

Впечатлѣніе, какое это письмо Никона произвело на царя Алексѣя Михайловича, онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „насъ (Никонъ) винить, а себя править“. Но царь не могъ не придать значеніе извѣсту Никона на іеродіакона грека Мелетія, котораго Никонъ называлъ поддѣлывателемъ грамотъ и печатей и прямо „воришкою“, тѣмъ болѣе что дѣло о поддѣлкѣ Мелетіемъ патріаршихъ подписей дѣйствительно существовало, хотя на вопросахъ по этому дѣлу

¹⁾ Гиб. I, 247—255.

и не выяснилось ничего опредѣленнаго, рѣшительно обличающаго Мелетія, почему оно и было прекращено. Между тѣмъ личность посылаемаго къ патріархамъ съ грамотами, какъ это хорошо понимали Никонъ и Лигаридъ, имѣла большое значеніе для самого дѣла Никона, такъ какъ въ грамотахъ къ патріархамъ о Никонѣ почти не говорилось и всѣ обстоятельства и подробности его дѣла посольство долженъ былъ выяснитъ патріархамъ устно и отъ него, слѣдовательно, много зависѣло представить ихъ въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для Никона свѣтѣ и тѣмъ повліять на такое или иное рѣшеніе патріарховъ. Понятно отсюда, почему Лигаридъ всячески настаивалъ, чтобы на востокъ съ грамотами къ патріархамъ былъ посланъ, какъ онъ выражается, „предложенный газскимъ ученѣйшій іеродіаконъ Мелетій, соотечественникъ и другъ его“, и почему Никонъ не желалъ, чтобы посланъ былъ Мелетій. У царя естественно возникло сомнѣніе въ доброкачественности Мелетія, какъ посла, такъ что онъ говорилъ Лигариду: „а кто поручится за него (Мелетія), что воротится, если онъ чловѣкъ двоедушный и почти что самъ за себя ручается“. Паисій постарался успокоить подозрительность царя, такъ что тотъ уступилъ его настояніямъ и Мелетій отправился на востокъ царскимъ посломъ. Это было очень важною побѣдою Паисія надъ Никономъ, дѣло котораго теперь окончательно переходило въ руки враждебныхъ ему грековъ. 1).

Посольство Мелетія на востокъ возбудило сильное волненіе между греками. По собственнымъ словамъ Мелетія, въ письмѣ его къ Лигариду, одинъ антиохійскій архимандритъ писалъ въ Константинополь изъ Яссы, „Никона быти другаго Златоуста, и яко повелитель его любитъ и желаетъ и нощію приходитъ къ нему и собесѣдуетъ, едине бояре онаго отмѣтають сего ради, яко воспоминаеть повелителю, да шествуетъ на войну и воюеть противъ татаромъ, иже безчисленныя москвяны и казаки плѣнники сотвориша; они же ничтоже тшатся, но вожделѣвають въ градѣ Москвѣ пребывати, житіе сластное проходяще. Къ тому же рече Никона ко грекамъ быти благохотна и къ патріархомъ милостива и защитника зѣльнѣйшаго восточныя церкви догмать.

1) Сочин Лигарида о судѣ надъ Никономъ, гл VI

Таже—яко грамоты, яже азъ принесть къ кійждо патріархомъ, бысть смышленныя тщаніемъ твоея святыни (т. е. Лигарида), яже убо дары и почести отъ бояръ приемише—козньствоваше, и яко мнѣ дашеся 8,000 златыхъ, ими же аще не бы мздилъ, не бы было соключенное дѣло противу Никона. Сіе не точію не присутствуя, но и предъ лицемъ патріарховъ присутствуя, изблева той архимандритъ антиохійскій, и по всѣмъ Константинополѣ ходяще мене ища, да мя гаждаеть“. Подобное же о Никонѣ, рассказываетъ Мелетій, написавъ въ Константинополь и нѣкто Анастасій къ своему свекру—клирику Михаилу, вслѣдствіе чего Михаилъ „неистовствомъ ятъ, по площадямъ и стогнамъ хождаше, порицая и ища мя о мзденіи“; а нѣкто Мануиль заявлялъ, что будто бы царь послалъ для подкупа константинопольскаго патріарха 20,000 золотыхъ, чтобы получить отъ него грамоту, осуждающую Никона. Этотъ Мануиль будто бы „обѣща тайнѣ двомъ патріархомъ пятнадцать тысящъ златицъ, дабы не дали грамотъ, противу Никона,—но ничтоже содѣя, точію мене искаше, дабы всячески мене убилъ“. Сторонники Никона старались дѣйствовать и на патріарховъ, въ чемъ и имѣли успѣхъ. Вышеупомянутый Аѳанасій, писавшій въ Константинополь къ клирику Михаилу, явился въ Иерусалимскому патріарху и въ разговорѣ съ нимъ „много вознесе Никона, яко есть защитникъ грековъ и греческій любитъ народъ и иная симъ подобная“, и такъ успѣлъ настроить Нектарія, что когда явился къ нему Мелетій, то нашелъ его въ великой скорби, „яко отъ насъ двоихъ (т. е. Лигарида и Мелетія) прельщеніе бысть“. 1).

Понятно почему греки такъ сильно волновались, когда узнали, благодаря болтливости Мелетія, о цѣли его пріѣзда къ патріархамъ, почему они съ ненавистію отнеслись и къ Мелетію и Лигариду. Никонъ, по признанію самыхъ его враговъ, былъ завзятый грекофилъ, такъ любилъ грековъ и все греческое, какъ никто другой до него на Руси. Всѣ его церковныя реформы носили строго грекофильскій характеръ и совершены имъ по указаніямъ и при содѣйствіи грековъ. Онъ всячески покровительствовалъ грекамъ, всюду выдвигалъ ихъ на первый планъ, возвышалъ современное греческое

1) Гиб II, 655—660.

ское въ ущербъ русскому, преклонялся предъ греческимъ авторитетомъ. Естественно, что каждый истый и честный грекъ видѣлъ въ Никонѣ своего поборника и защитника, челоуѣка, который стоитъ въ Москвѣ на стражѣ греческихъ интересовъ. И вотъ о низверженіи этого благодѣтеля грековъ усиленно хлопочуть сами же греки, которые такъ поступаютъ, конечно, только потому, что дали подкупить себя врагамъ Никона и, конечно, только подкупомъ думаютъ теперь добыть отъ патріарховъ осужденіе для Никона—благодѣтеля грековъ. Понятно также и то затруднительное положеніе восточныхъ патріарховъ, въ какое ихъ поставили царскія грамоты. Ѣхать самимъ въ Москву или послать туда экзарховъ, чтобы судить покровителя грековъ, стать въ Москвѣ на одну доску съ такими своекорыстными интриганамъ, какъ Паисій и Мелетій, съ которыми тогда поневолѣ пришлось бы дѣйствовать за одно, патріархи никакъ не могли рѣшиться, уважая свое достоинство и какъ патріарховъ, и какъ грековъ. Къ этому побуждали ихъ и другія обстоятельства. Царь, а съ нимъ и всѣ русскія свѣтскія и духовныя власти не умѣя справиться съ дѣломъ Никона, придали ему преувеличенно-важное значеніе, думали, что вопросомъ о Никонѣ, какъ необыкновенно важномъ для всей православной церкви, обязаны активно заняться всѣ православные патріархи, которымъ и слѣдуетъ, ради этаго дѣла, самимъ пріѣхать въ Москву, или, въ крайнемъ случаѣ, послать туда своихъ экзарховъ. Но на греческомъ православномъ востокѣ оставленіе патріархами своихъ кафедръ было тогда столь частымъ и обычно—привычнымъ явленіемъ, что тамъ этому обстоятельству вовсе не придавали какого-либо особаго значенія: ушелъ одинъ патріархъ, на его мѣсто сейчасъ же избирали другаго и—дѣлу ковецъ. Въ виду этого грекамъ казалось малопонятнымъ почему русскіе, по такому незначительному, неважному дѣлу, какъ оставленіе кафедры патріархомъ, не только сами такъ сильно волнуются, шумятъ и растерянно всюду носятся нѣсколько лѣтъ съ своимъ бывшимъ патріархомъ, вмѣсто того, чтобы на его мѣсто избрать новаго, но и привлекаютъ къ этому чисто домашнему и неважному дѣлу всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, которые ради него должны ѣхать въ отдаленную Россію и надолго оставить свои кафедры. Что же касается другихъ

причинъ, ради которыхъ Царь вызывалъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ въ Москву, именно: улаживаніе возникшихъ въ Москвѣ церковно-обрядовыхъ споровъ и нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ нестроеній, чему русскіе придавали значеніе равное спорамъ догматическимъ и вѣроисповѣднымъ, имѣющимъ важное обще-православное значеніе, то и эти причины для поѣздки въ Москву казались восточнымъ патріархамъ тоже очень неубѣдительными. Тогдашніе, по крайней мѣрѣ болѣе образованные греки, очень хорошо понимали, что православіе нисколько не зависитъ и не страдаетъ отъ того, будетъ ли православный человѣкъ молиться Богу съ подстриженной, или неподстриженной бородой, будетъ ли слагать при этомъ персты двоеперстно или троеперстно, будетъ ли онъ одѣтъ въ одежду русскую или нѣмецкую; что монахи не превратятся изъ православныхъ въ неправославныхъ только отъ того, что они будутъ покрывать свои головы старинными русскими монашескими покрывалами, или новогреческими клобуками; что православный характеръ церковной службы вовсе не зависитъ отъ того, будутъ ли во время службы двоить или троить аллилуію, произносить имя Христа Ісусъ, или Іисусъ, во вѣки вѣковъ или—во вѣки вѣкомъ, что обѣдня всегда можетъ быть строго православною, будутъ ли служить ее на семи или пяти просвирахъ и т. под. Вслѣдствіе этого восточные патріархи, или ихъ экзархи, могли оказаться въ Москвѣ, благодаря своеобразнымъ воззрѣніямъ русскихъ на церковные обряды и обычаи, въ очень ложномъ положеніи относительно русскихъ, и потому достоинство православнаго патріарха и простое благоразуміе должно было удержать ихъ отъ поѣздки въ Москву и отъ посланки туда своихъ экзарховъ. Но, съ другой стороны, патріархи не могли рѣшительно отказать и домогательствамъ русскаго правительства, расположеніемъ котораго имѣли всѣ причины дорожить. Въ виду этого патріархи избрали средней путь. Подъ предлогомъ боязни турокъ они отказались ѣхать въ Москву сами или послать туда экзарховъ, но въ замѣнъ себя послали въ Москву съ Мелетіемъ общія постановленія о власти царской и патріаршей, причемъ эти постановленія были составлены примѣнительно къ дѣлу Никона, такъ что русскимъ только оставалось приложить ихъ къ дѣлу, чтобы самимъ рѣшить вопросъ о Никонѣ

Такимъ образомъ восточные патріархи отказались отъ прямого, непосредственнаго участія въ судѣ надъ Никономъ и отказались конечно потому, что не сочувствовали, какъ и большинство грековъ, осужденію Никона, видѣли во всемъ этомъ дѣлѣ только интриги русскихъ враговъ Никона и происки нѣсколькихъ корыстолюбивыхъ и недостойныхъ грековъ. Особенно рѣшительно и настойчиво выражалъ свое несочувствіе осужденію Никона іерусалимскій патріархъ Нектарій. 20-го марта 1664 года онъ пишетъ государю, что присланную ему съ іеродіакономъ Мелетіемъ грамоту онъ получилъ, но „въ сей грамотѣ мы не нашли ни причины удаленія святѣйшаго патріарха вашего Киръ Никона, сослужителя и брата о Христѣ нашего смиренія, никакой другой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутствія.. Что касается противниковъ (Никона), то, по сказанію его (Мелетія), немногія и недостойныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона; а о Никонѣ же сказалъ нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными.. Намъ кажется, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить это дѣло, и снова однажды или дважды пригласить Киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи и положенія для точнаго соблюденія: и ежели онъ окажется ранѣе преступившимъ оныя, а потомъ раскаяется и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія: ибо часто случалось весьма много такового и еще важнѣйшаго въ церкви, и все поправлено для мира и тишины. И такъ, просимъ мы ваше священное величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче—если таковыя будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ російской церкви соблазны... Милолюбивѣйшій государь! Послѣдуй кротости Давида, восприми ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ патріарховъ вашихъ. Сіе есть начало разрушенія церкви нашей въ Константинополь; оно послужило и до нынѣ слу-

жить источникомъ многихъ дѣлъ и содѣлало насъ посрамленными предъ западною церковію. Опасайтесь и вы, чтобъ необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку. Ежели Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то ясно, что онъ обличаетъ непокорность народа. И такъ, покажите къ нему достаточное повиновеніе, какъ къ строителю благодати: повиновеніе, говорю, не необыкновенное въ церквахъ Божіихъ, но каковое предписываютъ божественные законы. Отреченіе же его, которое онъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ отъ церкви, можетъ быть принято снисходительнѣе, для соблюденія тишины, тѣмъ болѣе, что онъ, Киръ Никонъ, (какъ мы сказали), отрекся отъ непокорнаго народа, а не отъ престола. Но еслибы онъ и письменно отрекся отъ престола, то и сіе извинительно, ибо часто и отреченіе бываетъ недѣйствительно... Съ симъ вмѣстѣ пишу я и къ нему (Никону), братски увѣщевая его, что ему неприлично было оставлять столицу и жить внѣ оной... Итакъ, заканчиваетъ Нектарій свою грамоту царю, непременно должны или его (Никона) возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однако гораздо лучше вашему величеству возвратить его, по вышеприведеннымъ причинамъ "... Грекъ Савелій (или Савва) Дмитріевъ, привезшій въ Москву грамоты Нектарія, показывалъ, что патріархъ наказалъ ему говорить Никону: „для чего онъ по прежнему на патріаршеской свой престолъ нейдетъ и тѣмъ великаго государя кручинить?.. Да то де онъ отъ еросалимскаго патріарха слышалъ, что опричь Никона патріарха на престолъ иному никому быть не мочно, для того, что, вины ево никакой нѣтъ“. Съ своей стороны архидіаконъ Нектарія, потомъ преемникъ его на патріаршей кафедрѣ, Доспѣеи, писалъ Паисію Лигариду, укоряя его за неправыя, соблазнительныя и недостойныя пастыря дѣйствія по дѣлу Никона „Слава приде, пишетъ онъ Лигариду, нѣкая хульная, рожденіе же воистинно диаволе, яко вы неправо грамоты переводите, но иная полагаете, иная отъ среди изъемлете, иная оставляюще. Аще придетъ туды патріархъ,—будетъ о томъ истязовати и въ томъ, совѣтую твоей святыни, буди далече отъ сего, да будеши воленъ отъ сихъ безчествованій, и намъ явишися истинны помощникъ и оборонитель, зане нѣсть мала вещь глѣ переводити. Та же елико можеши о належа

щихъ къ миру церкви, стой крѣпко, зане возвестися намъ, яко твоя святыня, могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ.“ Точно также и константинопольскій патріархъ Діонисій ничего не имѣлъ противъ возвращенія Никона на патріаршую кафедру. Онъ нѣсколько разъ повторилъ посланному къ нему царемъ келарю Чудова монастыря Саввѣ, что пусть царь или новаго патріарха поставитъ, „или Никона проститъ, да паки возведетъ, буде ему потребенъ“ ¹⁾. Другой константинопольскій патріархъ Паревній, лишилъ кафедру александрійскаго патріарха Паисія и антїохійскаго Макарія за то именно, что они поѣхали въ Москву для суда надъ Никономъ. Подробности объ этомъ скажемъ послѣ.

И въ Москвѣ нашлись у Никона друзья и сторонники между греками, которые всячески старались разрушить козни Лигарида и всѣхъ вообще противниковъ Никона. Въ Москвѣ проживалъ выходецъ грекъ дьяконъ Агаѳангель, заявившій себя цѣлымъ рядомъ очень неблаговидныхъ дѣлъ, за которыя и былъ сосланъ на Соловки. Паисій Лигаридъ упросилъ царя воротить Агаѳангела въ Москву и поселилъ его у себя, чтобы вмѣстѣ обдѣлывать въ Москвѣ свои темныя дѣлишки. Но дружба этихъ двухъ подозрительныхъ лицъ продолжалась недолго. Лигаридъ обвинилъ Агаѳангела въ сообщничествѣ съ двумя бѣжавшими своими слугами, которые его обворовали. Тогда обиженный Агаѳангель, хорошо знавшій Паисія и его прошлое, перешелъ на сторону Никона, сталъ писать ему и сообщать о Лигаридѣ разныя неблагопріятныя свѣдѣнія, которыми Никонъ и воспользовался въ борьбѣ своей съ Паисіемъ. Грекъ Мануйло Ивановъ, въ 1669 году, показывалъ, что дьяконъ Агаѳангель „на газскаго митрополита бывшему патріарху Никону съ ложными хулами роспись подавалъ, и по той его ложной, воровской, составной росписи былъ сыскъ свидѣтелей въ патріаршемъ приказѣ и газской митрополитъ очистился“ Агаѳангель до конца остался вѣренъ Никону и былъ за клятымъ врагомъ всѣхъ враговъ Никона. Тотъ же грекъ Мануйло показывалъ: „и нынѣ (1669 г.) онъ, дьяконъ Агаѳангель), ищетъ всѣми мѣрами, какъ бы ему съ Москвы

¹⁾ Русскій Архивъ 1873 г. № 9, стр. 1610—1615 Гиб. II, 771—775, 779, 893

убѣжать и гнать вслѣдъ за александрійскимъ папою и патриархомъ и за дьякономъ Мелетіемъ, а догнавъ, хочеть накупя, или наговоря бусурмановъ, патриарха ограбить, а Мелетія своими руками повѣсить за то, что будто онъ, Мелетій, затѣялъ на бывшаго патриарха Никона великія дѣла напрасно и патриархи осудили ево, Никона, не дѣломъ, и говоритъ: пока де мѣсто Никонъ живъ, до тѣхъ мѣстъ и и онъ дьяконъ“. Все это подтверждаетъ и самъ Паисій Лигаридъ въ запискѣ поданной имъ государю, гдѣ онъ говоритъ: „предъ всѣмъ синклитомъ быхъ обещенъ орудіемъ лукаваго діавола Агафаила (т. е. Агафангела), которому одному повѣрилъ Никонъ и излевалъ ядь на меня невиннаго“. Далѣе Паисій говоритъ, что у него были и другіе враги изъ грековъ и указываетъ на архидьякона (іерусалимскаго патриарха) Досиѳея, „который пишетъ, что я держуся боярской стороны и писалъ именемъ государевымъ грамоты къ патриархамъ, которыми доспѣваю конечное паденіе церкви восточныя и явную противность, аще бы таковы грамоты даны или взяты были въ руки турецкіе или крымскіе, горе бы было всѣмъ христіаномъ церковнымъ и мірскимъ—се безчествія явственныя, которыми моя слава раздирается несправедно“ ¹⁾.

Особенно горячимъ и энергичнымъ сторонникомъ Никона былъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, который прибылъ въ Москву 23 апрѣля 1664 года, какъ онъ заявилъ, „съ тайнымъ дѣломъ къ многолѣтнему царю“ отъ своего дяди, константинопольскаго патриарха Діонисія. Будучи принятъ государемъ на другой же день по пріѣздѣ своемъ въ Москву, Аѳанасій заявилъ государю, что пославшій его патриархъ Діонисій „челомъ бьетъ твоему царскому величеству, чтобъ помириться со святѣйшимъ патриархомъ московскимъ Никономъ. Яко же Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ на землю и рекъ святымъ своимъ апостоламъ: миръ вамъ; тако молитъ твоему царскому величеству вселенскій патриархъ Діонисій: что-де намъ говорятъ турки и жида, яко имѣете на Москвѣ христіанскаго царя, а отженуль патриарха,—о томъ молитъ твоему царскому величеству, что бы

¹⁾ Греческія дѣла 7175 г. № 2-й и 7177 г. № 39—въ Большомъ Московскомъ архивѣ минист. иностр. дѣлъ

быти миру съ патріархомъ“. Но такъ какъ Аѳанасій не привезъ съ собою никакихъ грамотъ отъ патріарха, то государь „поусумнился“ въ его миссіи. Это сомнѣніе еще болѣе усилилось когда въ маѣ возвратился въ Москву съ востока Мелетій, привезшій съ собою извѣстные отвѣты патріарховъ о власти царской и патріаршей, осуждавшіе Никона. Аѳанасію были предъявлены эти отвѣты патріарховъ, подписанные ихъ руками и прямо противорѣчившіе заявленіямъ Аѳанасія. „Святель плевелъ и великій сопотивникъ истины, рассказываетъ объ этомъ Паисій Лигаридъ, побудилъ иконійскаго Аѳанасія назвать подписи (патріарховъ) подложными. Онъ подтверждалъ это тѣмъ, что самъ нарочно посланъ отъ вселенскаго патріарха, и дяди своего по матери, Діонисія, ходатайствовать о вождедѣнномъ между царемъ и Никономъ мирѣ“. При ближайшемъ разсмотрѣніи присланныхъ грамотъ Аѳанасій однако призналъ, что подпись константинопольскаго патріарха Діонисія дѣйствительно подлинная, но зато онъ рѣшительно отрицалъ подлинность подписи трехъ другихъ патріарховъ. Въ присутствіи царя и синклита между Аѳанасіемъ и Мелетіемъ произошли горячія и долгія пренія о подлинности привезенныхъ Мелетіемъ грамотъ, не приведшія ни къ какому положительному результату ¹⁾. Защищая Никона предъ царемъ и синклитомъ, обличая его враговъ, Аѳанасій обращался съ письмами и къ самому Никону, выражая увѣренность, что онъ снова сдѣлается патріархомъ. „Едино, владыко мой святой, пишетъ онъ, къ міру пришло, еже правды не любятъ, единой токмо лжи желаютъ. Мене послалъ братъ твой Константина града патріархъ ради миру съ боярами; указалъ имъ, что онъ мнѣ приказалъ... Грамоты приносятъ гречане ложныя, только добыти деньги. Тако тѣмъ вѣрятъ бояре и того любятъ, паче правды, а блаженству твоему, учашу слово евангельское, не внимають. Лишше труждаются лукаво: ни единъ патріархъ грамоты не дастъ имъ. Опять блаженство твое будетъ патріархъ московскій; не будетъ иначе, и святыя твои молитвы да будутъ со мною“. Въ другомъ письмѣ Аѳанасій пишетъ Никону: „объ томъ желаю и вѣдаю божественное пресвятительское твое, владыко святой, слышати свя-

¹⁾ Гиб II, 706, 761—763 Соч. Лигар. о судѣ надъ Никономъ л 47.

тое твое имя и неизреченную милость пришельдамъ, яко ихъ любишь и одѣваешь, яко отецъ и чадолюбивый, и будетъ тебѣ заплата отъ Господа во царствіи небесномъ. Премудрый мой отче! Нечестиваго Лигарида ложь совершилася, по словесѣхъ преблаженнаго брата твоего (т. е. константинопольскаго патріарха): прислалъ писаніе и отлучилъ его и проклялъ яко папешника и злаго чловѣка, глаголетъ живаго; другое: бывъ въ Цареградѣ Сихурскій (іеродиаконъ Мелетій?) и гнавъ его константинопольскій, да посадить его въ каторги, и не знаю куды ушелъ“. Аѳанасій иконійскій былъ сильнымъ и вліятельнымъ сторонникомъ Никона въ Москвѣ въ виду того, что онъ выдавалъ себя за племянника и посланца константинопольскаго патріарха Діонисія. Онъ былъ очень опасенъ и для Паисія газскаго и для Мелетія, такъ какъ всячески стараяся подорвать къ нимъ довѣріе царя. Въ то же время онъ поддерживалъ въ Никонѣ увѣренность, что восточные патріархи стоятъ на его сторонѣ и вполнѣ сочувствуютъ его возвращенію на патріаршую кафедру. Паисій и Мелетій сдѣлали было попытку устранить Аѳанасія. Они добыли будто бы грамоту отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, въ которой тотъ называлъ Аѳанасія орудіемъ дьявола, солгавшимъ, „яко посланъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ“, что онъ „есть сосудъ злосмрадный и злаго изволенія и отъ церкви изверженъ уже много лѣтъ“, и потому совѣтуетъ государю сослать его куда нибудь въ заточеніе и такъ крѣпко держать его до смерти. При этомъ патріархъ пишетъ царю: „тотъ нашъ извѣтъ буди таиннѣйшій, паче же въ малѣйшія части да издеретъ пресвѣтлость твоя, чтобъ невидимо было многихъ ради винъ, чтобъ инымъ не слышно было“. Но этотъ таинственный извѣтъ на Аѳанасія патріарха Діонисія оказался сфабрикованнымъ и вовсе не принадлежалъ Діонисію, хотя вполнѣдствіи патріархъ Діонисій дѣйствительно заявилъ, что Аѳанасій иконійскій ему не родственникъ, что ему онъ не давалъ никакихъ порученій къ царю и что его дѣйствительно слѣдуетъ держать покрѣпче и не отпускать на востокъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что едва ли Аѳанасій иконійскій былъ вполнѣ сознательный самозванецъ и обманщикъ, скорѣе онъ былъ только увлекающійся чловѣкъ, основавшій свой образъ дѣйствій въ

Москвѣ на недоразумѣніи. Какъ видно, Аѳанасій, еще будучи въ Константинополѣ, уже сильно интересовался дѣломъ Никона, вполне сочувствовалъ ему и не желалъ его осужденія. Когда въ Константинополѣ сдѣлалась извѣстна пѣль прїѣзда Мелетія къ патріархамъ—добыть отъ нихъ осужденіе Никона, греки, какъ мы видѣли, сильно заволновались. Между ними находился и Аѳанасій иконійскій, который явился къ самому патріарху и прямо спрашивалъ его: далъ-ли онъ Мелетію грамоты, осуждающія Никона? Патріархъ Діонисій сказалъ, что Мелетію никакихъ грамотъ онъ не давалъ. Въ 1665 году іерусалимскій архимандритъ Іоасафъ между прочимъ писалъ государю: „бѣдный иконійскій, яко человекъ, согрѣшилъ есть, и яже реклъ есть, реклъ есть не вѣдая мысли патріарховъ тайной, вѣря словамъ только патріарха цареградскаго, который говорилъ, что николи не давалъ писемъ Мелетію, и то говорилъ патріархъ, зае была вещь зѣло тайна“. Возможно, что патріархъ Діонисій въ своемъ частномъ разговорѣ, съ Аѳанасіемъ, высказалъ свое несочувствіе осужденію Никона, почему Аѳанасій и рѣшился потомъ дѣйствовать въ Москвѣ именемъ константинопольскаго патріарха, въ полной увѣренности, что дѣйствуя въ Москвѣ въ пользу Никона, онъ тѣмъ самымъ осуществляетъ мысль и желаніе константинопольскаго патріарха. А чтобы придать своимъ заявленіямъ въ Москвѣ большую силу, онъ выдалъ себя за патріаршаго экзарха, какимъ въ дѣйствительности не былъ, (въ чемъ собственно и заключалось его самозванство), и вмѣстѣ съ тѣмъ за племянника патріарха Діонисія, хотя онъ былъ только какимъ то самымъ отдаленнымъ его родственникомъ по женской линіи. Заручившись словеснымъ завѣреніемъ константинопольскаго патріарха, что онъ не давалъ Мелетію никакихъ грамотъ, Аѳанасій отправился въ Москву и на пути, въ Яссахъ, видѣлся съ іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, съ которымъ тоже имѣлъ разговоръ о грамотахъ Мелетію. Патріархъ Нектарій такъ потомъ передавалъ о своемъ свиданіи съ Аѳанасіемъ: „а что-де иконійскій митрополитъ назвался экзархомъ и константинопольскому патріарху племянникомъ, и тѣмъ онъ великаго государя хотѣлъ обогатить: онъ-де экзархомъ не посылаванъ и константинопольскому патріарху не племянникъ. А про пра-

вила-де, чаеть, онъ, митрополить, сказалъ для того, какъ онъ, іерусалимскій патріархъ, пришелъ въ молдавскую землю въ Яси, и онъ-де, митрополить, приходилъ къ нему почасту и спрашивалъ: у Мелетія-де государевы грамоты и милостину константинопольскій патріархъ и онъ, іерусалимской, приняли-ль, и отвѣтъ ему дали-ль, и руки свои подписали-ль? И онъ-де, патріархъ, ему сказалъ, что государевы грамоты и милостину у Мелетія приняли, а отвѣту ему никакого не дали и рукъ своихъ ни къ какому письму не подписывали. А сказалъ де ему для того, чтобъ не всякій про то вѣдалъ, потому-де, что у нихъ страшно, турокъ-де того и смотреть, какъ бы Божія церкви разорить и православныхъ христіанъ погубить“. Въ виду этого Нектарій въ 1665 году велѣлъ царскому посланцу передать государю слѣдующую его просьбу: „на иконійскаго не гнѣвайся великій царю, призри его и пожалуй, а буди учнетъ просится къ себѣ, и онъ пусть поживетъ покамѣстъ совершатся дѣла“. Такимъ образомъ оказывается, что Аѳанасій иконійскій и отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія получилъ тоже увѣреніе, что и отъ константинопольскаго патріарха, — будто они никакихъ грамотъ Мелетію не давали и ни къ какимъ письмамъ рукъ своихъ не прикладывали. Во время частыхъ своихъ посѣщеній Нектарія въ Яссахъ, Аѳанасій конечно не разъ бесѣдовалъ съ нимъ объ интересовавшемъ его дѣлѣ Никона и изъ этихъ бесѣдъ могъ вынести ту твердую увѣренность, что и Нектарій не сочувствуетъ осужденію Никона и желаетъ его возстановленія на патріаршей каѳедрѣ. Въ виду этого Аѳанасій иконійскій имѣлъ нѣкоторое основаніе заподозрить въ Москвѣ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ и усиленно склонялъ царя къ примиренію съ Никономъ, чего, какъ онъ хорошо зналъ, желали патріархи константинопольскій и іерусалимскій и большинство всѣхъ лучшихъ и благонамѣренныхъ грековъ ¹⁾.

Къ числу сторонниковъ Никона изъ грековъ въ Москвѣ принадлежалъ и Савва, или, какъ его иначе называютъ, Савелій Дмитріевъ, посланецъ іерусалимскаго патріарха Нек-

1) Русскій архивъ. 1873 г. кн. 9, стр. 1618—1623. Гиб. II, 709, 764, 802 805, 825, 893 Греческія дѣла 1781 г. № 12

тарія, который привезъ въ Москву отъ патріарха примирительныя грамоты и къ царю и патріарху Никону, съ совѣтомъ первому—опять призвать Никона на патріаршій престолъ, и съ увѣщаніемъ второму—примириться съ царемъ и немедленно возвратиться на оставленную имъ патріаршую кафедру. Примирительныя стремленія іерусалимскаго патріарха, по понятнымъ причинамъ, встрѣчены были въ Москвѣ съ неудовольствіемъ и Савва Дмитріевъ, какъ сторонникъ Никона, былъ задержанъ въ Москвѣ и содержался подъ строгимъ надзоромъ, не имѣя возможности вступить съ Никономъ въ непосредственныя личныя сношенія. Однако онъ нашель возможность писать Никону, которому и сообщаетъ разныя свѣдѣнія и даетъ совѣты, какъ ему слѣдуетъ поступать. Въ одномъ письмѣ къ Никону онъ пишетъ: „владыко мой! Аще позовуть тя, прииди на соборъ; прииди, не сотвори инако и обезчестивъ нашъ святыи соборъ; того ради не ино добро. Тако мнѣ есть приказано (разумѣется іерусалимскимъ патріархомъ) отвѣтъ дати; того ради повѣмъ: надѣюся на Бога, яко не имуть найти никакого порока, во всемъ свидѣтельство твое премудро и благочестиво; и что какой порокъ хотять найти? Рекутъ, что оставилъ еси престолъ свой и отшелъ еси,—и то нѣсть рѣчь; занеже когда архіереи оставитъ престолъ свой и отыдетъ въ чужое мѣсто, то есть ло,—добрѣ знаетъ сіе и святительство твое. Ты же и сошелъ еси съ Москвы, не пошелъ еси въ чужой міръ, но тако же въ престолъ своемъ еси, и не имуть учинити о семъ ни единого же слова въ соборѣ. И о томъ молюся пресвятительству твоему: едино о семъ часѣ не объяви, да не речеши, како ти послалъ блаженный грамоту, и задержали ее вверху бояре, и объявится дѣло, что услышалъ еси отъ мене, и мнѣ лихо сотворять. Едино приимеши, да придеши велиимъ смиреніемъ, и буди, яко не знаешь ничего и небоязненъ, занеже не имуть тебѣ учинити ничто же.“ Въ другомъ письмѣ къ Никону Савва Дмитріевъ указываетъ и на причину своего особаго расположенія къ опальному московскому патріарху. Получивъ письмо отъ Никона и узнавъ о его добромъ здоровьѣ, онъ благодаритъ Бога и Богородицу „всегдашній покровъ, сохраняющій твое святительство, ради прибытку и похвалы ниему роду“. Савва Дмитріевъ былъ задержанъ въ Москвѣ до прибытія восточ-

ныхъ патріарховъ, которые выхлопотали ему у царя освобожденіе ¹⁾).

Такимъ образомъ, между греками у Никона нашлись какъ горячіе сторонники, такъ и заклятые враги, что вызвало борьбу изъ за Никона между самими греками, которые, вступившись въ это дѣло, очень скоро окружили его такою густою сѣтью всевозможныхъ интригъ, доносовъ, кляузъ и взаимныхъ обвиненій въ подлогахъ и мошенничествахъ, что наше правительство никакъ не могло разобраться въ этой путаницѣ. Восточные патріархи сами отказались прибыть въ Москву, или прислать туда своихъ экзарховъ, а только послали отъ себя письменные отвѣты на вопросы о власти царской и патріаршей, составленные примѣнительно къ дѣлу Никона. На основаніи этихъ патріаршихъ отвѣтовъ уже сами русскіе должны были рѣшить такъ или иначе вопросъ о Никонѣ. Но, какъ мы видѣли, иконійскій митрополитъ Аевасій рѣшительно заподозрилъ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ отвѣтовъ и между нимъ и Мелетіемъ произошли долгіе горячіе споры, не приводившіе ни къ чему определенному. Тогда, рассказываетъ Паисій Лигаридъ, „всталъ газскій (т. е. Лигаридъ, который въ своемъ сочиненіи обычно называетъ себя газскимъ) и сказалъ: „поистинѣ признаю я за подлинную эту подпись патріарха антиохійскаго Макарія, и это не по причинѣ арабской подписи, въ чемъ я не свѣдущъ, но только по причинѣ эллинской подписи хіосца священника Іоанна, эконома и подписчика патріаршаго, котораго почеркъ вполнѣ знаю, почему и утверждаю неподдѣльность подписи. Къ этому прибавилъ и амасійскій Косьма: и я очень хорошо знаю подпись іерусалимскаго патріарха Нектарія, онъ мой соотчичъ и старый другъ. На оба свидѣтельства обрадовались и царь и синклитъ; однако еще осталось нѣкоторое сомнѣніе о томъ, истинны или ложны патріаршіе томы... Потомъ спрошенъ былъ я втайнѣ опять о подписи: я показалъ трудность этого разбора, ибо и цѣлыя страницы поддѣлываютъ (и въ предисловіи къ диалектикѣ приводятся всѣ способы поддѣлки); но прибавилъ: рѣшительно подлинны, какъ и прежде сказалъ я, двѣ патріаршія подписи: вселенскаго, по ручательству самаго иконійскаго,

¹⁾ Русскій архивъ, 1873 г. кн. 9, стр. 1626—1640. Гиб II, 1054.

не заключаетъ въ себѣ интерполяціи; остается подпись александрійскаго: но Духъ святой устроить что либо для обнаруженія и этого; а пока пусть преобладаетъ голосъ большинства“. Это нерѣшительное условное заявленіе Паисія не могло конечно вполне убѣдить и успокоить царя, тѣмъ болѣе, что іерусалимскій патріархъ Нектарій, подпись котораго значилась подъ патріаршими отвѣтами, осуждавшими Никона, прислалъ государю особую грамоту, въ которой настойчиво совѣтывалъ помириться съ Никонѣмъ и вернуть его на патріаршій престолъ. Дѣло о Никонѣ опять остановилось за невозможностію окончательно выяснитъ вопросъ: подлинны или нѣтъ привезенные Мелетіемъ патріаршіе отвѣты, а безъ рѣшенія этого вопроса нельзя было приступать и къ рѣшенію дѣла о Никонѣ. Тогда рѣшено было усиленно просить пріѣхать въ Москву іерусалимскаго патріарха Нектарія, который въ то время находился въ Молдавіи, куда и посланы были съ грамотою государя два грека—Василій Ивановъ и Кондрать Дмитріевъ. Рѣшились затѣмъ снова обратиться и къ константинопольскому патріарху, чтобы онъ или лично прибылъ въ Москву, или прислалъ своего экзарха. А такъ какъ константинопольскій патріархъ свое нежеланіе прибыть въ Москву или послать туда своего экзарха объяснялъ боязнью предъ турками, то заготовлена была грамота государя къ султану съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ константинопольскому патріарху послать кого-либо изъ своихъ архіереевъ въ Москву для разрѣшенія возникшихъ здѣсь церковныхъ недоумѣній. Въ то же время заготовлена была грамота къ константинопольскому патріарху Діонисію съ просьбою, чтобы онъ утвердилъ своимъ экзархомъ въ Москвѣ, для соборнаго разсужденія о Никонѣ, Паисія газскаго, который, хотя „многихъ воистинну ученій сокровище стяжетъ,“ однако, такъ какъ не имѣетъ соборныхъ полномочій, „конечно не можетъ явиться по правиломъ въ нашихъ собраніяхъ“. Мысль просить восточныхъ патріарховъ назначить Паисія Лигарида своимъ экзархомъ для суда надъ Никонѣмъ возникла у нашего правительства, конечно подъ влияніемъ внушенія со стороны самаго Паисія, еще гораздо ранѣе, именно: въ 1663 году, когда патріархи отказали посланному къ нимъ Мелетію и лично прибыть въ Москву и послать туда своихъ экзарховъ изъ опасенія ту-

рокъ. Уже тогда заготовлены были царскія грамоты ко всѣмъ патріархамъ. Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію, царь просилъ патріарха разрѣшить ему, государю, своею властію избрать и наречь кого либо изъ достойныхъ, находящихся въ Москвѣ, греческихъ архіереевъ своимъ патріаршимъ намѣстникомъ, или пусть патріархъ пришлетъ своего намѣстника въ Москву, или же самъ избересть и утвердить кого либо изъ находящихся въ Москвѣ, причемъ конечно имѣлся въ виду Паисій Лигаридъ. Въ грамотѣ къ бывшему константинопольскому патріарху Паисію царь прямо просилъ его, чтобы онъ прислалъ въ Москву грамоты „приговоръ имущая и полномочная, уряжающія и поставляющія намѣстника или посланника престола апостольскаго—митрополита газскаго Паисія, здѣ во градѣ нашемъ пребывающаго, или иного, аще восхошеши, мужа приличнаго, добродѣтелию и ученіемъ украшеннаго, святыни твояе именемъ законоположи“. Въ грамотѣ къ антиохійскому патріарху Макарію царь писалъ: „помощи твоего блаженства требуемъ письмены, сирѣчь исправленными, къ намъ изъявляющими, митрополита газскаго Паисія, зѣло знаемаго и друго твоего, въ свое мѣсто посланника и судію, оную прю да иматъ опредѣлить благоразсуднѣ, и сіе напишемъ во благодѣяніе мѣсто“. Въ грамотѣ іерусалимскому патріарху Нектарію царь писалъ: „понеже въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ газскій владыка пребываетъ намъ пріятный, сему—аще извѣстная письмена вдаси, яко намѣстнику твоего блаженства, вещь намъ сотвориши прелюбезную, егда той воистину іерусалимскаго стола бремя честнѣ можетъ держати“. Но эти грамоты о Лигаридѣ, очевидно имъ же и составленныя, въ то время не были посланы къ патріархамъ. Теперь же, когда возникло сомнѣніе въ подлинности привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ, рѣшились опять настойчиво приглашать самихъ патріарховъ прибыть въ Москву. А такъ какъ константинопольскій патріархъ безъ разрѣшенія турецкаго правительства не могъ отправиться въ Москву, или послать кого либо изъ мѣстныхъ архіереевъ въ качествѣ своего экзарха, то наше правительство и рѣшилось предложить ему, чтобы онъ назначилъ своимъ экзархомъ проживающаго въ Москвѣ Паисія газскаго, чѣмъ бы устранялись всѣ затрудненія о посылкѣ экзарха и вмѣстѣ съ тѣмъ было бы

не нужно обращаться по этому поводу къ турецкому правительству, почему заготовленная грамота къ султану и не была послана. Другихъ же восточныхъ патріарховъ, за которыми турецкое правительство наблюдало менѣе строго, чѣмъ за константинопольскимъ патріархомъ, рѣшено было уговорить лично явиться въ Москву. Чтобы застать іерусалимскаго патріарха Нектарія въ Молдавіи, гдѣ онъ тогда находился, къ нему уже въ іюль 1664 года нарочно отправлены были, какъ мы видѣли, два грека съ приглашеніемъ отъ царя прибыть въ Москву. Въ сентябрѣ снаряжено было новое посольство ко всѣмъ патріархамъ, состоящее изъ архидіакона Мелетія, подъячаго Порфирія Оловяникова и изъ называвшаго себя племянникомъ константинопольскаго патріарха грека Стефана Юрьева. Мелетій отправился звать патріарха александрійскаго и антїохійскаго, а грекъ Стефанъ константинопольскаго и іерусалимскаго, причемъ въ распоряженіе Стефана отданы были и два грека, ранѣе посланные къ Нектарію,—ихъ онъ долженъ былъ встрѣтить въ Молдавіи ¹⁾.

Посольство Стефана грека къ іерусалимскому патріарху Нектарію кончилось полною неудачею. Нектарій попрежнему не хотѣлъ осужденія Никона и потому, подъ предлогомъ боязни турокъ, рѣшительно отказался не только ѣхать въ Москву, но и послать туда своего экзарха. За то у константинопольскаго патріарха цѣль посольства была, повидимому, достигнута: патріархъ рѣшился исполнить просьбу московскаго правительства о назначеніи своимъ экзархомъ для суда надъ Никономъ Паисія Лигарида. Стефанъ грекъ былъ другомъ Паисія, отъ котораго онъ, отправляясь на востокъ, получилъ письма къ разнымъ вліятельнымъ при константинопольскомъ патріархѣ лицамъ, чтобы они побудили патріарха назначить Лигарида своимъ экзархомъ въ Москвѣ.хлопоты константинопольскихъ друзей Паисія и Стефана увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ сентябрѣ 1665 года учитель и великій риторъ Александръ Маврокордато писалъ Паисію Лигариду, что получивъ отъ него письма, „онъ всѣми силами усердствовалъ“, чтобы исполнилось желаніе царя и

1) Соч. Лигар. о судѣ надъ Никономъ, гл. XVI Глб II, 640—641, 712—732.

Паисія о назначеніи послѣдняго экзархомъ, но что въ этомъ дѣлѣ пришлось преодолѣть много трудностей, такъ какъ у Паисія явились враги, которые наговаривали на него патріарху. „Но Богу наставляющу, позналъ есть вышній отецъ (т. е. патріархъ) лукавство противниковъ, неправедно облагающихъ, и явственно рекъ есть: не быти иного на всей вселеннѣй паче твоея святыни изряднѣйшаго, который бы лучше и достойнѣе могъ страну ту, толь трудную, управити толико, яко бы еще гдѣ индѣ твоя святыня былъ, имѣлъ бы моленми приводити, да подъявъ путь, преидеши туды, и колико еси премудростію долготѣнною ту тяжбу разрушити поднялся бы. Сего ради охотно тебѣ изящество вручилъ, чтобъ намѣстникомъ его былъ въ сыску, въ вопросѣ, въ скончаніи, и въ совершеніи по правиломъ, прежде писаннымъ, да дѣло совершится; а еже праведно и свято есть—пакость да извержется во изгнаніе“. Это письмо Паисій Лигаридъ поспѣшилъ представить въ посольскій приказъ и въ то же время писалъ государю, что Стефанъ грекъ везетъ грамоты государю отъ константинопольскаго патріарха, которыми онъ назначаетъ Паисія своимъ экзархомъ въ Москвѣ. 12 ноября прибывшій въ Москву грекъ Стефанъ дѣйствительно доставилъ государю грамоту константинопольскаго патріарха Діонисія, въ которой онъ писалъ, что такъ какъ безъ разрѣшенія султана онъ не можетъ ни самъ явиться въ Москву, ни послать кого либо другаго вмѣсто себя, то „и постановили есмы киръ Паисія, пребывающаго тамъ же, святаго и богоразумнаго митрополита газскаго, во святомъ Душѣ возлюбленнаго брата нашего и сослужителя, ему же послахомъ вольность, яко разумному и свѣдущему о сицевыхъ церковныхъ дѣлѣхъ, поставляюши его намѣстника во обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшити всякое неудобство и сомнѣніе, предлагаемое отъ сопротивныя страны, и правити судъ купно со освященнымъ соборомъ помѣстнымъ архіерейскимъ, предсѣдающему на немъ, яко образу творящему нашу персону въ томъ единомъ дѣлѣ даже до совершенія его“. Въ другой грамотѣ, къ самому Паисію патріархъ Діонисій пишетъ: „поставили есмы твою святыню, яко премудру и благонарочиту и свѣдущу сихъ правильныхъ дѣлѣ, предсѣдательствующу помѣстному собору, да возможешь рѣшити всякое сомнѣніе и супротивость на сопротивовостающихъ

симъ прежереченнымъ главамъ, и совершить купно со архіереями, сущими тамо, и сотворить, яко отъ нашея страны, праведный судъ и приговоръ по правиломъ, во страсть Божіи и въ совѣсть чистой“¹⁾.

Полученіе указанныхъ грамотъ константинопольскаго патріарха Діонисія было полнымъ торжествомъ Паисія надъ Никономъ. Послѣдній доселѣ не хотѣлъ признавать за Паисіемъ права вмѣшиваться въ русскія церковныя дѣла и не считалъ его настоящимъ митрополитомъ. Когда 18-го іюля 1663 года Паисій, вмѣстѣ съ астраханскимъ архіепископомъ Іосифомъ и другими, явился въ Воскресенскій монастырь къ Никону, чтобы передать ему, между прочимъ, постановленіе собора, воспрещавшее ему дѣйствовать архіерейски, Паисій сталъ было читать письмо, „кое дано отъ преосвященнаго собора, и онъ, Никонъ говорилъ: письма де вашего не хочу слушать, а Паисія митрополита почалъ бранить всячески, и называлъ его воромъ, и нехристіаниномъ, и врагомъ Божіимъ, и собакою, и самоставленнымъ, и мужикомъ, невѣдомо какимъ: ѳздишь де ты по многимъ государствамъ и чужимъ землямъ и своимъ воровствомъ разоряешь, и въ рѣчахъ ему отказалъ“. На другой день, 19 іюля, Никонъ служилъ у себя въ предѣлѣ Распятія молебень и, по шестой пѣсни, читалъ евангеліе и, толкуя прочитанное, говорилъ: „Романъ (Бабарыкинъ), аки іюда, привелъ на мя злая: митрополита, аки Каіафу (т. е. Паисія газскаго). Той же де митрополитъ Каіафа, пришедъ въ келлію, воздвигъ на мя многія отъ фарисей злая словеса. Вчера пришли ко мнѣ въ келлію и привели выражана въ платѣ, что нѣмку, митрополита, аки Каіафу... Вчера и меня тако-жь хотѣлъ Каіафа митрополитъ ударить въ ланиту, а впредь невѣдомо что будетъ“. О не ласковомъ пріемѣ Никономъ посланныхъ царемъ и соборомъ немедленно было донесено въ Москву, гдѣ, по повелѣнію государя, сейчасъ же составлена была соборная грамота, съ инструкціей посланнымъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать. Въ этой соборной грамотѣ Паисій Лигаридъ титуловался: „митрополитомъ газскимъ и всея Палестины экзархомъ“, „великимъ архіереемъ, возлюбленнымъ о святымъ Дусѣ братомъ и архіереемъ Божіимъ“, заявлялось, что безчестіе со

¹⁾ Гиб. II, 808, 821—828

стороны Никона на Паисія „не на тебе единого восходить, но и на пославшихъ тя—на благочестивѣйшаго нашего великаго государя и преосвященный соборъ, паче же на іерусалимскаго патріарха, понежь по его благословенію посланъ еси къ великому государю нашему“ ¹⁾.

1) Соборная грамота Паисію и другимъ была слѣдующая „Великимъ господамъ, о святомъ Дусѣ братіямъ нашимъ, преосвященному Паисію, митрополиту газскому и всея Палестины экзарху, и преосвященному Іосифу, архіепископу астраханскому и терскому, преосвященніи митрополити и архіепископи и епископи радоватися во святѣмъ Дусѣ и здравствовать. Въ нынѣшнемъ, господа, 7171 году, іюли въ 17 день, послани вы отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и отъ насъ, преосвященнаго собора, въ Воскресенскій монастырь къ бывшему патріарху Никону говорить, что вѣдомо учинилось великому государю и намъ, преосвященному собору: онъ бывший патріархъ, про него, великаго государя, венцовыя рѣчи износишь и жалованныя его, великаго государя, грамоты вычитаячи, кладеть предъ образомъ Пресвятыя Богородицы и Крестомъ, и молебствуетъ И, по молебнѣ, отъ псалмовъ Давидовыхъ клягвенныя слова избирая, великаго де государя нашего подъ клятву подлагаетъ, и то онъ чего ради творить по своемъ вольномъ патріаршескомъ оставленіи? Хотѣ бы онъ и на своемъ патріаршескомъ престолѣ, не оставя, быть, и ему было, по правилу святыхъ апостолъ 34, безъ соборнаго вѣдома кляти никого не надобило, наипаче же его царское величества. И нынѣ намъ, преосвященному собору, по отпискѣ великому государю отъ боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго съ товарищи, про вашъ пріѣздъ къ бывшему Никону патріарху вѣдомо учинилось, что онъ, Никонъ патріархъ, твоихъ, преосвященнаго митрополита, словъ не похотѣлъ выслушать, что было вамъ приказано отъ великаго государя и отъ насъ, преосвященнаго собора, ему, Никону бывшему патріарху, говорить, и всякими де неистовыми своими словами тебе безчестилъ. И мы о семъ зѣло оскорбѣхомся; ты же великій господине, възлюбленный нашъ о святѣмъ Дусѣ брате и архіерею Вожій, благодарствуй Бога яко сподобился еси за истину обезчещенъ быти. Нынѣ же моленіемъ мы пакы молимъ тя ради общія наша матери, соборныя и апостольскія церкви, и ради благочестивѣйшаго государя нашего, и общія пользы всего православнаго христіанства потщитися со всякимъ усердіемъ ему, бывшему Никону патріарху, говорить: отречеся онъ отъ патріаршаго своего престола самовольно и съ клятвой, и недостойна себе нарекъ именоватися патріархомъ и, забывъ ту свою клятву, чрезъ правила архіерействуетъ и подъ клятву подлагаетъ многихъ; а нынѣ ужъ дерзнулъ, чего было ему невозможно и не оставя патріаршества помыслити, на богопомазанную главу царскаго величества клятву возлагать самовольствомъ. И буде онъ о своемъ вольномъ патріаршескомъ оставленіи и клятвѣ предъ вами учеть заператися, и тому своевольному отреченію и клятвѣ

Получивъ соборную грамоту 23 іюля послы, съ Паисіемъ

есть мнозиں достовѣрліи свидѣтели. А если бы стъ кого была во время яко патріаршества обида, и онъ бы о томъ преосвященнымъ архіереемъ бывшимъ намъ подъ областію его извѣщати; и мы бы, собравшея вкушъ, ему правильнѣ вспомогали. И отъ него во время патріаршества его, и по оставленіи, ни отъ кого ни въ чемъ ни единому архіерею жалобы ни писмяной, ни словесной не бывало; только по отшествіи своемъ писался великому государю своею рукою бывшимъ патріархомъ. А нынѣ онъ почто таковая начинаетъ творити, архіерействовати, и подъ клятву подлагати безъ совѣту преосвященнаго собора? Егда былъ онъ, Никонъ, и на патріаршествѣ, и того было ему, по правилу св. апостоль 34 глаголющему: безъ большаго архіерея меньшимъ ничто же творити, тако же и большему архіерею безъ меньшихъ и прочая, - а онъ, Никонъ бывшій патріархъ, возлагаетъ клятвы неправильнѣ, тѣмъ святыя, Божія церкви и народъ возмущаетъ. Да онъ же нынѣ в стъ посланныхъ отъ царскаго величества и отъ насъ, преосвященнаго собора, безчеститъ, паче жъ тебе, преосвященнаго митрополита Паисія, о святомъ Дусѣ брата нашего, и то безчестіе не на тебе однаго восходитъ, но и на пославшахъ тя, благочестивѣйшаго нашего великаго государя и на преосвященный соборъ, паче жъ на іерусалимскаго патріарха, понежъ по его благословенію пославъ еси къ великому государю нашему. И мы, преосвященный соборъ, сихъ ради всѣхъ его дерзновеній вышеписанныхъ, приговорили, что ему, Никону патріарху, быти въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ самъ, оставя патріаршество, пришелъ своею волею, неисходно до совершеннаго собора. А и большему собору употребилось быти его же ради, Никонова, дерзновенія, что онъ, Никонъ, бывшій патріархъ, ни во что вмѣнилъ прежде бывшее собраніе архіерейское о его патріаршескомъ оставленіи и отхожденіи въ тотъ Воскресенскій монастырь. И ивоземцевъ, которые при немъ живутъ, изъ монастыря вывести, куда великій государь укажетъ, всякаго ради опаства. А великому государю мы соборнѣ били о томъ челомъ, и что великій государь насъ пожаловалъ его, бывшаго Никона патріарха, приказалъ бы со всякимъ опаствомъ оберегати и изъ того монастыря быти неисходно, потому что слышачи о всякомъ его безстрашномъ дерзновеніи возмущаются, и такова бы возмущенія еже безстрашнаго дерзновенія, отъ народа каково бы надъ нимъ дурна не учинилось. И какъ то все вышеписанное бывшему патріарху Никону отъ насъ, преосвященнаго собора, выговорите, пожалуйте намъ извѣстити писаніемъ, что учинится, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Да пожалуйте, великіе господа, закажите того Воскресенскаго монастыря архимандриту и намѣстнику и священникомъ и братіямъ, буде виредъ стаетъ Никонъ, бывшій патріархъ, кого проклинать, чтобъ они къ его клятвѣ не приставали и намъ бы возвѣщали. А буде кто пристанетъ къ его дерзновенному проклинанію, или, слышавъ о томъ, не извѣститъ намъ, преосвященному собору, и тому быти въ ссылкѣ и жестокомъ наказаніи. А благодать Божія и милость буди со всѣми вами“ Собственно-ручная подпись семи архіереевъ.

во главѣ, отправились къ Никону и Паисію, по порученію государя и собора, началъ было читать Никону соборную грамоту на латинскомъ языкѣ, на который она переведена была съ русскаго для Паисія. Но Никонъ „митрополиту отказалъ, что рѣчей его слушать не хочетъ и его безчестилъ по прежнему, называлъ воромъ и собакою и врагомъ Божиимъ“. Послѣ этого Никону уже по-русски прочитана была соборная грамота. „И патріархъ, выслушавъ отписки, говорилъ: напрасно-де власти газскаго митрополита пишутъ себѣ братомъ, тотъ де братъ будетъ имъ вмѣсто антихристово предоначи, услышите де, что онъ впредь учнетъ про нихъ говорить“. Съ своей стороны Паисій Лигаридъ о своемъ свиданіи съ Никономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ рассказываетъ, „что разговоръ съ Никономъ продлился много часовъ, и произошло великое смятеніе между посланными со мною боярами. Часто потрясая палкою и стуча ею крѣпко по полу, Никонъ волновался, гремя, смѣшивая, противорѣча одинъ всѣмъ, какъ Церсигъ не давая никому отвѣчать, такъ что мы вышли изъ кельи безъ успѣха, совершенно ислуганными и его дерзостью и стремительностію, и невоздержностію и готовностію въ рѣчахъ... Когда Никонъ самъ говорилъ, то растягивалъ и оканчивалъ рѣчь, гдѣ ему захочется; а когда другіе говорили, предварялъ ихъ снова, путалъ и не давалъ. Итакъ, мы возвратились въ наши покои въ уныніи, сверхъ того мы какъ бы раздули пожаръ гнѣва“. Когда Паисій, по возвращеніи изъ Воскресенскаго монастыря явился къ государю, послѣдній, рассказываетъ Паисій, „улыбнувшись мнѣ, сказалъ: видѣлъ ты самъ Никона? А я отвѣтилъ: поистинѣ лучше было бы мнѣ никогда не видать такого чудовища; лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, лишь бы не слышать его киклопскихъ криковъ и громкой болтовни“.

Кромѣ словесныхъ бурныхъ объясненій между Никономъ и Паисіемъ они обмѣнялись еще и рѣзкими письменными посланіями. Лигаридъ говоритъ, что по его отвѣдѣ изъ Воскресенскаго монастыря Никонъ сейчасъ же „прислалъ противъ меня извѣтъ оправдывая себя предъ царемъ и говоря, что я не облобызалъ его по обычаю и не привѣтствовалъ ласковыми словами, какъ то прилично; что я невѣжливо справилъ посольство: прибавилъ тысячу другихъ про-

ступковъ, о которыхъ умалчиваю“. Никонъ съ своей стороны то же говорить, что онъ дѣйствительно въ обличеніе газскаго митрополита, который, какъ чужеземецъ и притомъ очень сомнительный, какъ давно оставившій свою епархію, не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла русской церкви,—написалъ обличеніе отъ святыхъ правилъ и отослалъ „къ боярамъ и властямъ“, которые прибыли къ нему въ Воскресенскій монастырь. На это письмо Никона Паисій немедленно отвѣтилъ своимъ письмомъ, въ которомъ, съ своей стороны, обличалъ Никона въ томъ, что онъ возводитъ на Паисія несправедливыя и лживыя обвиненія, что онъ будто бы явился въ Москву безъ отпускной грамоты своего патріарха, коритъ Никона, что онъ уже не будучи дѣйствительнымъ патріархомъ, однако дѣйствуетъ какъ настоящій патріархъ и т. под. Но что особенно характерно въ объясненіяхъ Паисія: онъ обличаетъ Никона, что онъ будто бы не признаетъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, а признаетъ только папу, почему и является настоящимъ, дѣйствительнымъ папезникомъ. Въ то же время самого себя Паисій величаетъ въ письмѣ „мужемъ разсуднимъ и ученіемъ украшеннымъ“, проповѣдникомъ, учителемъ и экзархомъ.

Перебранка Никона съ Паисіемъ указанными письмами не ограничивается. Никону доставлены были извѣстные намъ отвѣты Паисія на вопросы Стрешнева, гдѣ Паисій во всемъ винилъ Никона. Послѣдній рѣшилъ показать всю несправедливость обвиненій противъ него Паисія съ точки зрѣнія св. писанія, правилъ и постановленій св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также и съ исторической точки зрѣнія. Съ этою цѣлію Никонъ написалъ большую книгу, въ которой подробно разбираетъ каждый отвѣтъ Паисія, причемъ попутно высказываетъ свои взгляды на личность Паисія, освѣщаетъ и оцѣниваетъ характеръ его дѣяній и писательской дѣятельности.

Отвѣчая на упрекъ Лигарида, который не одобрилъ русскихъ архіереевъ за то, что они не заботятся на мѣсто Никона избрать новаго патріарха, Никонъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „покажи, джесловесниче, по которымъ правиламъ святымъ начать таковое учительство, а не отъ своихъ гнилыхъ произношеній?... Нынѣ пишешь учительски, аки власть имѣя: по которымъ канономъ такое дерзновеніе ты

примѣ? Покажи: гдѣ есть писано, аще свою епархію оставя, въ чужую пришедь, инымъ архіереомъ законополагати, паче же чрезъ божественныя святыя правила и заповѣди?.. Не удовольился еси въ данной тебѣ епархіи заблуждати отъ истины, но приде и семо скитатися душею и тѣломъ, смущати и превращати тебѣ подобныхъ, отчуждая отъ Бога и божественныхъ повелѣній.. Волкомъ являешия вмѣсто пастыря, смущая и разоряя стадо Христово, не преданное тебѣ... Свой престоль оставя, скитаешия яко волкъ, хапая и угрызая братню совѣсть.. Ты, окаянный человекъ не праведный, яко свинія рыетъ на Божія законы для ради скверныхъ своихъ прибытковъ“. Никонъ утверждаетъ, что Лигаридъ „на развращеніе святѣй церкви новыя законы вводитъ: ово отъ „отреченныхъ книгъ, ово отъ внѣшнихъ баснословныхъ блуженій“, что онъ „ложными шпынскими проклятыми книгами“ руководствуется, почему все, что онъ пишетъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы Стрешнева, „все страстно и расслаблено и всякія нечистоты полно“. За все это Никонъ называетъ Паисія: „новый раскольниче, а реку—еретиче“, „новый Люторе, поругателю евангельскій“, „безумный раскольниче и преступниче святыхъ отецъ уставовленныхъ вѣчныхъ предѣлъ“, называетъ его лицемѣромъ, человекѣугодникомъ, враждотворцемъ, жидовскимъ подражателемъ и т. п. Никонъ изрекаетъ о Лигаридѣ такой общій приговоръ: „азъ тебя, по святымъ канонамъ, проклиная, начинающаго чрезъ божественныя правила новыя законы издавати на соблазнъ людемъ: не погрѣшитъ тотъ истины, аще бы кто обязалъ о шею твою жерновый камень и потопилъ въ мори, якоже во евангеліи пишетъ“... Или, на примѣръ, онъ говоритъ по адресу Лигарида: „ты же аще не имѣешь, яко ворона, дому, отъ него взятися древу, но на разбойническомъ древѣ достойно ты есть повѣсити“ ¹⁾.

Въ виду указанныхъ отношеній Между Никономъ и Паисіемъ Лигаридомъ понятно, какъ велико было торжество Паисія, Когда въ Москвѣ получены были грамоты, константинопольскаго патріарха Діонисія, назначавшія его въ

¹⁾ Гиб. II, 624, 630—634 Соч о судѣ о Никонѣ, л. л. 44 об—46 об Зап. рус археол. общ. II, 490 Рукоп нашей акад № 218, л. л. 78, 95, 98, 111, 112 об., 127, 133, 150, 152, 155, 160, 233, 256 и др.

Москвѣ экзархомъ самого константинопольскаго патріарха и вмѣстѣ полномоченнымъ судьей въ дѣлѣ Никона, съ которымъ теперь онъ получалъ возможности свести свои счеты. Естественно, что Паисій немедленно воспользовался своимъ новымъ блестящимъ положеніемъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ царя и другихъ отъ возведенныхъ на него Никономъ обвиненій и чтобы какъ экзархъ—судія, окончательно уничтожилъ своего врага—Никона. Въ особой запискѣ, поданной государю, Паисій жаловался, что Никонъ не только безчестилъ его на словахъ, когда онъ посланъ былъ къ нему въ Воскресенскій монастырь, „но и прислалъ мнѣ книгу безчестующую и истошающую великія кривды мерзкіе, а вящшіи были: яко азъ есмь еретикъ и волхвъ, подписью его укрѣпленные. Нынѣ пришли грамоты, свидѣтельствующія быти мя архіерея газскаго митрополита, мужа ученіямъ наказанна и премудростію украшена, его же ради судія именный и посолъ престола апостольскаго константинопольскаго поставленъ есть. Прошу вашего царскаго величества, что есть нынѣ, еже вредитъ ко очищенію моя славы и ко объявленію моего архіерейскаго достоинства и къ разсыпанію Никоновыхъ лжепредложеній и къ преломленію всѣхъ безчестованій сопротивника моего, яко сіе патріаршескіе грамоты, сія священносвятая писанія, мою невинность свидѣтельствующая, точію да просвятятся и явно сотворится всему синклиту, якоже и предъ всѣмъ синклитомъ обещень орудіемъ лукаваго діавола Агааила, которому одному повѣрилъ Никонъ и изблевалъ ядъ на меня невиннаго“. Но такъ какъ этотъ тонъ непримиримой вѣчной вражды къ Никону слишкомъ уже мало гармонировалъ съ ролью судіи Никона, въ которой теперь фигурировалъ Паисій, то онъ и спѣшитъ затѣмъ увѣрить государя въ своемъ полномъ судейскомъ безпристрастіи. „Азъ воистину, пишетъ онъ, не есмь врагъ Никону, не буде се,—есмь злыхъ мнѣній его сопротивникъ, зане вдовствовать сотворилъ есть церковь и отлученіе положи патріаршескимъ престоломъ. Аще хошетъ быти пастырь, твореніемъ не паса свое стадо, яко паки поставленъ есть, егда сотворися патріархъ, яко новыхъ чиновъ употребилъ есть, древніе чины оставя и отринувъ. И въ сія вины не единъ токмо азъ взирати имѣю и истязовати я—съ соборомъ помѣстнымъ во св. Душѣ собран-

нямъ. Аще бы былъ единъ судія, могъ бы нѣчто понести на меня, яко склонна страсемъ челоуѣческимъ, но идѣже есть ликъ архіерейскій и мнози очеса въ судъ зрящіи яко истиннѣйшіи аргусы есть сточніи, святые церкви зрители очевидніи заслѣпитися и погрѣшити не могутъ. Сего ради не имѣлъ бы Никонъ сумнитися обо мнѣ и зазиратися, яко о неправедномъ судіи, прежде вѣдѣнія изнесенія суда. Аще убо возумѣеть добре за себя стояти, не можетъ осужденъ быти, и возможетъ бити челоуѣкъ о неправедномъ данномъ мною приговорѣ,—истиннымъ экзархомъ и судіею своимъ въ томъ дѣлѣ, поставленнымъ правильно и достойно, невредящи безчестованіямъ противъ меня сотвореннымъ лживо безъ всякаго страха и чести архіерейскаго достоинства, которую, яко патріархъ, хранити имѣлъ бы, да не соблазнятся прочіи духовніи и мірстїи¹⁾.

Такъ величался теперь Паисій Лигаридъ своею новою ролью экзарха константинопольскаго патріарха и признаннаго чрезвычайнаго судіи своего врага—Никона. Но величаться ему пришлось очень недолго. Тотъ же иконіискій митрополитъ Аѳанасій, который ранѣе заподозрилъ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ, призналъ не подлинными и привезенныя грекомъ Стефаномъ грамоты константинопольскаго патріарха Діонисія о назначеніи Паисія Лигарида своимъ экзархомъ для суда надъ Никонѣмъ. Самъ Паисій въ своемъ сочиненіи о Никонѣ рассказываетъ объ этомъ позорномъ для него дѣлѣ слѣдующее: „Стефанъ прибылъ въ Константинополь и, при тайномъ свиданіи съ патріархомъ Діонисіемъ, отдалъ ему царскія грамоты. Прочитавъ оныя, патріархъ велѣлъ ему явиться не въ патріархію, а только въ домъ сїятельной Роксандры, дабы его требованія происходили чрезъ ея посредство; и о томъ, сколько соблазна возникло чрезъ бывшаго иконіискаго Аѳанасія, возмутившаго любезный міръ, и царя сильно опечалившаго своимъ бредомъ, и ложью окружавшіи его синклитъ, отписалъ онъ надлежащимъ образомъ, рекомендуя и Паисія газскаго не только какъ истолкователя двухъ патріаршихъ томовъ (т. е. патріаршихъ отвѣтовъ, привезенныхъ Мелетіемъ), но какъ безмолвнѣйшія уста всего синода,

¹⁾ Греческія дѣла 7175 г № 2.

что видно изъ патріаршаго къ нему приказа, находящагося въ царскомъ казнохранилищѣ. Побывавъ у новаго государя угрволахійскаго Радула и поклонившись ему, какъ давнишнему своему покровителю, Стефанъ, снабженный патріаршими грамотами, медленно направился къ Москвѣ, и по многихъ трудахъ и опасностяхъ, прибылъ въ сію столицу на величайшую радость и на освѣдомленіе державнаго государя нашего. Впрочемъ Аѳанасій иконійскій опять сталъ противорѣчить и утверждать дерзновенно, что грамоты подложны. Въ клеветѣ своей на счетъ поддѣлки писемъ, не боясь Бога, не стыдяся царя, принялъ онъ безстыдное лицо блудницы, говорилъ дерзко, поступалъ безстыдно. Предстали оба предъ царя: иконійскій Аѳанасій и Стефанъ гонецъ и крупно переговаривались и попусту ругались другъ надъ другомъ, но побѣду одержалъ Стефанъ, а иконійскій на время отправленъ былъ на успокоеніе въ Симоновъ монастырь, въ которомъ и пребылъ до славнаго прибытія патріарховъ, или лучше сказать, до упокоенія и безвременныхъ своихъ похоронъ¹⁾.

Такъ, кромѣ вопроса о подлинности или неподлинности привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ отвѣтовъ, неожиданно возникло новое соблазнительное дѣло: о подлинности или неподлинности привезенныхъ грекомъ Стефаномъ грамотъ патріарха Діонисія признававшихъ Паисія Лигарида экзархомъ константинопольскаго патріарха въ предстоящемъ соборномъ судѣ надъ Никономъ. Наконецъ, чтобы какъ вибудъ распутать эту сѣть интригъ, подлоговъ и обмановъ, созданную греками по дѣлу Никона, государь рѣшился въ январѣ 1666 года тайно послать къ патріарху Діонисію уже не грековъ, которымъ трудно было довѣрять послѣ столькихъ опытовъ, а русскаго, именно: келаря Чудова монастыря Савву, чтобы на мѣстѣ получить обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія. Савва побывалъ на востокѣ и привезъ отъ патріарха Діонисія такія свѣдѣнія: „Мелетій дьяконъ, говорилъ Діонисію Саввѣ, пріѣхалъ несмирно, учинился всемъ турчаномъ вѣдомъ и учинилъ маѣ убытковъ два ста мѣшковъ,—и сіе съ клятвою изрекъ. А иконійскій Аѳанасій митрополитъ мнѣ не сродственъ и имѣлъ на себѣ отъ турокъ долгъ и упросилъ сроку на

1) Сочин. Лигарида о судѣ надъ Никономъ, гл 19

недѣлю, да и ушелъ; а я съ нимъ никакого слова не приказывалъ и чтобъ его держать крѣико и отнюдь не отпустить, да аще царь его отпуститъ, то велику пакость церкви сотворить. Какъ Мелетій дьяконъ приходилъ и мы съ Нектаріемъ патріархомъ написали двѣ грамоты слово въ слово и руки своя приложили, да одну послали съ Мелетіемъ во Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своими калугеры въ Антиохію ко патріархамъ того ради, что единой грамотѣ быть невозможно, ради ихъ дальняго разстоянія. А Стефанъ гречинъ у меня не бывалъ, токмо въ прошломъ въ 173 году артофилаксії докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ грамотѣ, что бъ газскому быть экзархомъ, токмо я того ему не попустилъ, и буде такая грамота объявилася у царя, и то всѣялъ плевелы артофилаксії, а Лигаридіи лоза не константинопольскаго престола и я его православна не нарицаю, что слышу отъ многихъ, что онъ папешникъ и лукавъ челоуѣкъ... А Стефана гречина не отпускати жъ, понежъ и той великое раззорѣніе церкви православной сотворилъ, яко и Аванасій иконійскій... А что газскій Паисій Лигаридъ рукоположенецъ папинъ и по многихъ лятскихъ костелехъ служилъ за пану литоргію, (но если онъ) истинно отвержется и проклянетъ предъ соборомъ всю папешскую ересь и исповѣдуетъ символъ православія, и онъ въ соборъ пріять будетъ“¹⁾.

Изъ заявленій патріарха Діонисія, привезенныхъ келаремъ Саввою, наше правительство убѣдилось, что патріаршія отвѣты, привезенныя Мелетіемъ, дѣйствительно даны были патріархами за собственноручною ихъ подписью, что Аванасій иконійскій, выдававшій себя за патріаршаго экзарха, былъ въ этомъ отношеніи обманщикъ, что Стефанъ грекъ привезъ въ Москву подложныя грамоты о назначеніи Лигарида экзархомъ для суда надъ Никономъ и что патріархъ Діонисій не только не думалъ назначать Паисія Лигарида своимъ экзархомъ въ Москвѣ, но и не признаетъ его православнымъ, а папешникомъ.

Паисію Лигариду извѣстіями, привезенными келаремъ Саввою, повидимому нанесенъ былъ смертельный ударъ: изъ экзарховъ и судей ему приходилось теперь попасть въ

1) Гиб II, 892—894

подсудимые по обвиненію въ латинствѣ. Въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ Никономъ Паисій очень глухо и въ то же время очень пренебрежительно выражается о посольствѣ Саввы. „Отправленъ былъ, рассказываетъ онъ, и Савва келарь Чудова монастыря къ Діонисію, нынѣшнему предсѣдателю ѳессалоникійскому (на мѣстѣ Діонисія въ то время патріархомъ въ Константинополѣ былъ уже Парѣеній): но отправленіе его болѣе походило на бѣгство, чѣмъ на посольство; такъ тайно произошло оно, что трое только знали о немъ... Савва удобно прибылъ въ Ѳессалонику и, подобно тайному нѣкогда ученику—Никодиму, явился и онъ тайно къ Діонисію и, когда симъ послѣднимъ былъ благословенъ и принятъ, представилъ ему причину такого путешествія. Тотъ, назвавъ все достовѣрнымъ, утвердилъ въ особенности томы (отвѣты патріарховъ, привезенные Мелетіемъ) и подписавъ ихъ, отпустилъ Савву не надѣливъ его никакимъ письмомъ, вслѣдствіе предстоящей ему опасности, пожелалъ только царю вождѣленныхъ побѣднымъ трофеевъ, и отпустилъ его съ благословеніемъ, снабдивъ разрѣшительною грамотою. Заѣхалъ онъ (Савва) и къ вселенскому патріарху Парѣенію: но сей и ухомъ не повелъ на просьбы Саввы. . Итакъ Савва возвратился безъ результатовъ, получивъ неудачу въ своихъ огромныхъ надеждахъ; предполагалъ воздвигнуть трофеи выше всѣхъ, а вышелъ ничѣмъ: ни третьимъ ни четвертымъ, мегарцемъ по лжи“. Но это увѣреніе Паисія въ безрезультатности посольства Саввы было рѣшительно несправедливо. Напротивъ оно произвело сильное впечатлѣніе на наше правительство, которое, конечно, никакъ не могло игнорировать того обстоятельства, что Лигаридъ свое положеніе въ Москвѣ, какъ патріаршаго экзарха и правомочнаго судіи Никона, думалъ было основать на завѣдомо подложныхъ грамотахъ, что самъ константинопольскій патріархъ Діонисій считаетъ его не православнымъ, латынникомъ. Произвело оно сильное впечатлѣніе и на самого Лигарида. Его смущеніе было такъ велико, что онъ, въ виду ожидаемаго прибытія въ Москву восточныхъ патріарховъ, которые могли поднять о немъ дѣло на соборѣ, счелъ за лучшее и болѣе благоразумное просить царя до созванія собора отпустить его домой, такъ какъ, смиренно заявляя теперь недавній патріаршій экзархъ и грозный судія Никона, онъ прибылъ

въ Москву вовсе не съ тѣмъ, чтобы судить, а за милостынею. II московское правительство тоже раздѣляло опасенія Паисія. Когда патріархи, Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій, изъ Астрахани направились въ Москву, сопровождавшему ихъ іеродіакону Мелетію поручалось царемъ спросить ихъ: „нѣтъ ли патріаршу гнѣва какова на газскаго митрополита Паисія; да будетъ они гнѣвъ на него держать и ему (Мелетію) всячески говорить патріархомъ, что бѣ они, не розыскавъ, гнѣву на него не держали“. Но опасенія Паисія и царя относительно патріарховъ были совершенно напрасны. Патріархи ѣхали въ Москву съ тѣмъ, чтобы исполнить желаніе московскаго правительства—осудить Никона, а потому они вовсе и не думали выражать свой гнѣвъ къ газскому митрополиту, а вошли съ нимъ, какъ увидимъ, въ самыя близкія дружескія отношенія и постарались оправдать его отъ всякихъ обвиненій ¹⁾.

Н. Кантревъ.

¹⁾—гл. 21 Греческія дѣла 717 г. № 2 Гиб II, 989, 1069, 1085.